

Вся суть разсужденій въ томъ, что, по Толстому, человѣкъ можетъ и долженъ претерпѣть коренное и прежде всего индивидуальное религіозно-нравственное возрожденіе и тогда социальный аппаратъ, назовемъ-ли мы его государствомъ, или фаланстерой Фурье, или Утопіей Томаса Мора, Икаріей Каба, сдѣлается ненужнымъ. Ибо ненужно будетъ принужденіе и всѣ послѣдствія его. Конечно, еще Аристотель говорилъ, что любовь и дружба не нуждаются въ правѣ. И. Достоевскій раньше Толстого въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ проводилъ ту мысль, что когда люди сдѣлаются дѣйствительно братьями другъ другу, социальный вопросъ станетъ легко разрѣшимымъ. Другими словами, онъ устранился.

Въ сущности, Толстой также устраняетъ этотъ социальный вопросъ тѣмъ, что, становясь на религіозно-этическую точку зрѣнія, онъ предлагаетъ человѣчеству и Россіи ¹⁾ свои религіозно-этическія цѣнности въ качествѣ единственныхъ социальныхъ лекарствъ.

Но давно сказано: легко проповѣдывать мораль, трудно установить ея принципы.

Порицая науку и усваивая незамѣтно и отчасти ея плоды, Толстой уходитъ и приглашаетъ человѣчество къ вѣрѣ, т. е. въ ту область, предъ которой ученый почтительно останавливается, а вѣрующій ждетъ если не чуда, то во всякомъ случаѣ провиденціальной метаморфозы. Въ своемъ оптимизмѣ онъ полагаетъ, что его „цѣнности“ могутъ сыграть роль нѣкоего философскаго камня, — мечта средне-вѣковыхъ алхимиковъ!

Прикоснувшись къ нимъ, „свинцовые инстинкты“ ~~человѣчества дадутъ въ результатъ „золотое поведение!“~~

---

¹⁾ См. его статью „О значеніи русской революціи“.